

ВАЛЕНТИН ОДОЕВСКИЙ

СЕМЬ ДНЕЙ БАРМЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентин Одоевский

Семь дней бармена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66169040

SelfPub; 2021

Аннотация

У каждого человека своя судьба, свои истории, свои проблемы. Обо всём этом хочется рассказать, кому-то высказаться. Увы, иногда случается так, что просто некому – ни друзей, ни родителей, ни денег на психолога нет. Остаётся только искать ответ на дне стакана, а поддержки и совета у того, кто его тебе наполняет. К счастью, бармену не привыкать. Он повидал уже много людей, много судеб, много историй услышал... лучше любого психолога, можно сказать... И вот он решил поделиться семью самыми интересными и откровенными историями от своих гостей, рассказанными за стаканом чего-нибудь... крепкого... Все имена персонажей изменены и вымышленны. Все совпадения с реальными людьми случайны.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Путь (вместо пролога)	4
Бабник	7
Бывалый	13
Солдат	20
Вдова	26
Студентка	32
Пристав	40
Ветеран	46
Послесловие (вместо эпилога)	54

Валентин Одоевский

Семь дней бармена

Путь (вместо пролога)

*Люди не могут быть одни -
Собираются в стаи, вьют города,
Люди жалеют, что они
Не летают как журавли.
К.Ш.Меладзе*

Человеческая жизнь – сущность непростая. Наверное, уместнее было бы сказать «вещь». Однако я не привык считать её вещью... это, скорее, сущность, что живёт вместе с нами, давая решать какие-то задачи или проблемы.

Всё это нередко создаёт вопросы. Много вопросов. Ответов мало. Каждый человек их ищет по-разному: кто на беговой дорожке, кто на природе или ещё где.

В моём случае, люди, стоящие передо мной изо-дня в день, находят ответы на дне стакана. Иной раз, даже, бутылки.

Подобных людей я вижу уже пятый год, наверное, если не больше. Да я и сам уже сбился со счёта времени с ними...

Я не жалею ни о чём. В детстве я хотел стать врачом, чтобы спасти жизни. Долго грезил этим. Потом хотелось быть то ли учителем, то ли ещё каким специалистом из педагогической сферы – точно не скажу – не суть, я снова желал помогать людям. Всю жизнь свою я видел в помощи другим. Вопрос был в том только... – кто помог бы мне? Увы, на момент окончания мною школы – никто. Экзамены я сдал, если честно, никак. Естественно, ни про какой вуз речи и идти не могло, а в колледж или техникум идти было совсем неинтересно. Может и стоило бы, но уж говорю, как есть.

Где я только не успел поработать: грузчиком (у меня такое чувство, будто все с этого начинали), сортировщиком, разнорабочим – да всё и не упомнишь, важно, что ничего из вышесказанного мне не нравилось, а если вспоминать про зарплату, аж слеза наворачивается... И тут, как-то так получилось, что стал я барменом в одной кафешке, что, так-то, называется баром, а на деле – довольно культурное заведение. Во всяком случае, уж точно не как в американских фильмах про мафию, ковбоев и прочее. Всё, вполне себе, спокойно и мирно.

Вообще, сколько работаю, а понимаю, что, в принципе, люди приходят к нам, если уж пьют, для того только, чтоб душу излить. Психологи нынче дорогие, хотя, вроде как, и модные... И друзья есть не у всех, не говоря уж про родителей... а у нас, коль пара купюр есть, – нальют, послушают, может, что-то скажут...

Я повидал здесь разных людей. Один что-то обмывал, другой что-то «заливал», третий чуть ли не жил у нас какое-то время.

Многих знаю поимённо. Даже на «ты» уже перешли с ними. Они приходят и уходят, иногда, насовсем.

У большинства людей поводы для питья и судьбы похожи до скуки. Как по шаблону. Уже на автомате говорю дежурные фразы, типа, «всё ещё впереди», «не парься», «это пройдёт» и прочие. Им помогает, как я вижу.

Есть и интересные люди. У них уникальные судьбы, истории жизни, да даже стиль и манера питья отличаются от остальных клиентов. Кто-то приходит часто, иногда, каждый день. Кто-то реже. Кто-то уже и совсем нет, а про их судьбу самые разные слухи ходят...

Интересных клиентов немного, но и не так мало, потому, всех не упомяну. Но, всё ж, про семерых, как мне думается, самых уникальных мне и хочется здесь рассказать....

Бабник

*Вижу эту куклу: фантастика!
Красивая и не из пластика,
Беру эту барби в момент, за пару монет,
Как грёбаный абонемент...*
Д.Н.Григорьев

Клиент не частый. Появляется, в основном, раз в месяц. Всегда приходит в голубом пиджачке, белой рубашке, которую носит, расстегнув три верхних пуговицы. Лёгкая щетина украшает его слегка пухлое лицо с каштановыми, чуть расчёпанными волосами, маленькими серыми глазками, белки которых, всегда как на него смотрю, – красные.

Тем не менее, этими самыми глазками он, то и дело скользит по залу, оглядывая девиц, что сидят у нас, и ему всё равно – одна дама или с кавалером. Как засмотрится, так всё – зависает минут на десять. Покурить можно успеть выбежать – он будет дальше смотреть.

Этого красавца зовут Василий. Я, так до конца и не понял, кто он такой... то ли какой-то актёр, то ли радиоведущий, короче, связан с неким творчеством, что слышно из его хорошо-поставленного голоса, чёткой дикции и неплохого вокала после третьего бокала...

Пьёт Василий исключительно виски, и исключительно от фирмы The Macallan. Пока он трезвый – может быть довольно грустным и закрытым. Когда же чуть пьянеет, то закрытость пропадает, язык развязывается, после чего начинаются печально-комичные истории про его очередные любовные похождения.

– Бросила меня Нина, представляешь! – после второго бокала заявил мне Василий, и отвёл взгляд, видимо, сдерживая слёзы, что у него нередко появлялись во время подобных диалогов.

– Ё-моё! – сочувственно отвечаю я, протирая один из стаканов, хотя сам уже слышу подобную историю от него уже раз этак десятый и, по уму, мог бы послать его куда-подальше, но я прекрасно понимаю, что, кроме как мне, ему некому высказаться, да и истории у него нет-нет, да случаются необычные.

– Ага! Сучка неблагодарная!

– А что случилось-то? – спрашиваю я, подливая ему виски.

– Не, ну, ты прикинь! Буквально вчера познакомились, а сегодня она сказала, мол, иди, Васенька, в жопу! Не нужен ты мне такой!

Оговорюсь, что, когда мой любвеобильный собеседник говорил «буквально вчера» – это означало не меньше месяца назад.

– Да и пусть катится! – продолжал он, опустошая залпом

третий бокал. – Ишь ты! Возомнила она о себе непонятно что! Я ей, понимаешь, и цветы, и бриллиантики и прочую хуету, что бабам нравится, ночи ей какие дарил, ой... ты бы знал!.. а она мне всё мозги поласкает! Дескать, пошли в театр, пошли в театр! Да меня этот театр уже так достал! Сука, всем туда надо! Как, твою мать, мёдом помазано! Я ей говорю, мол, давай лучше я тебя в Париж на пару дней свожу, все шмотки тебе оплачу, а она вся такая простушка интеллигентная, что ты?! Зачем, мол, Париж, когда есть театр! Конченая, ёптыть!

– И что, неужто только из-за этого бросила? – усмешливо спрашиваю я, ибо уже знаю какая ещё причина стоит за всем этим.

– Да нет..., – мнётся Василий, протягивая мне бокал, в который я учтиво подливаю Macallan. – Она ж, после того, как я в первый раз не захотел её в театр сводить, сама попёрлась... а мне-то что одному делать? Бутылочку вина подмышку и... – он присвистнул, сопровождая это движением головы, как бы говоря «поехал», – к Катьке... ну а чё? Я многого прошу что ли?! Да я даю намного больше, чем эта сучка только может себе представить! А ей театр подавай! Да пошла она в жопу!

На последних словах Василий резко ставит бокал с недопитым виски на стойку, часть содержимого даже выплётся ему на ладонь, растекаясь по ней светло-коричневой массой, что я про себя всегда подмечаю, как у Васи руки по

локоть в дерьме...

Сам же мой собеседник уже начинает прям плакать, чуть опустив голову и сжимая бокал до белых костяшек.

– Понимаешь... хорошая баба, ведь! Да не баба она даже! Женщина! Очень хорошая! Всегда так искренне радовалась, когда я ей что-то дарил, водил куда-то... Конечно, она не хотела в Париж! Ей же только двадцать, а тут я – какой-то хуй сорокалетний, с которым она и месяца не знакома ещё, а уже во Францию гулять зовёт!

Я протягиваю ему салфетки. Василий неохотно их берёт и протирает свою ладонь, бокал и даже стойку. Не такой уж и плохой парень, так-то...

– Знаешь, – говорит он, после того, как я ему ещё подливаю, а слёзы его утихают слегка, – уже со счёта сбился скольких я поменял! Три раза женат был, деток хотел... а всё эти бабы, бабы... сука, ничего поделать с собой не могу, просто прёт меня на них!..

– Что же ты так? – как бы осуждающе спрашиваю я, делая вид, что занимаюсь своими делами. – Дома жена нецелованная, а ты мне тут плачешься, да по бабам носишься!

– Эх, брат..., – грустно протягивает он. – Да любил я всех своих жён. Хорошие девчонки были, меня тоже любили... да и подружки мои все хорошие... не бабы, а женщины именно! Я-то баб много повидал – они другие. А, вот, девчонки мои – именно, что девочки, женщины – да как угодно... всех их люблю, понимаешь... просто не могу остановиться...

Он выпивает очередной бокал и добавляет:

– Запутался я! И жёны, и подруги мои – все хорошие, но, сука, местами, такие ебанутые!

Его снова пробивают слёзы.

– А я просто хочу жить! Найти уже одну! Ту самую, блять! С которой до конца! С которой дети!

– Эх, Василий, – вздыхаю я. – Тогда тебе надо перестать ложиться ко всем, кто тебе предложит, глядишь, найдёшь себе...

Он допивает последний бокал виски, что уже видно по выражению его лица и белкам глаз, что покраснели ещё больше и из них, того и гляди хлынет кровь.

– Да! Мне надо помириться с Ниной! Н-надо... помириться!.. Я ей-й с-сейчас позвоню...

– Да какой сейчас?! – усмехаюсь я. – Домой дойди, спать ляг! Утром позвонишь, приедешь с цветами-там или что ты даришь? – прикинь, как обрадуется! В театр, наконец, сводишь! Потерпишь пару часиков, музыку в наушниках слушаешь, в конце концов! Ну, или поспишь! Чё ты как маленький?

– Д-да, – многократно кивает Василий. – Т-ты прав-в... Я... завтра ей... позвоню... Во что бы то ни с-стало...

С этими словами, он просто кладёт на стойку пятитысячную купюру, одёргивает пиджак, снова обводит своим серо-красным взглядом зал и, шатаясь, хватаясь за стены, направляется к выходу.

Думал я, что через месяц снова увижу его с историей про то, как опять его кинула барышня, но, вот, его нет уже почти полгода... вроде как, говорят, что женился на ком-то.... Неужто нашёл свою «ту самую» ?..

В конце концов, Василий не был прям таким мерзавцем-бабником, – мужик просто сильно запутался, и это мягко сказано... Однако, как бы он ни материл своих мимолётных подруг, а для него они были именно женщинами, пускай и... после пары бокалов....

Бывалый

*Эй, налей-ка, милый, чтобы сняло блажь,
Чтобы дух схватило, да скрутило аж.
Да налей вторую, чтоб валило с ног,
Нынче я пирую – отзвенел звонок.
А.В.Новиков*

Я видел его только дважды. Всегда учтив, вежлив, по-своему интеллигентен. Даже после определённой дозы алкоголя почти не ругался матом, да и вообще не особо разговорчивым был. Разве что спрашивал, как тут, что в городе поменялось и где бы ему подзаработать.

Очень хорошо помню нашу с ним первую встречу, когда он, судя по всему, только пару недель как освободился. Не знаю, откуда у него были деньги, может дал кто, может украл... если откровенно, то меня всегда меньше всего волнует вопрос – откуда у моих клиентов деньги, главное – что платят!

Было начало весны. Он пришёл в сером свитере, который был велик ему на размер как минимум, в каких-то поношенных брюках и грязноватых ботинках. Чёрные с проседью волосы были взъерошены, лицо с недельной щетиной, перекошенное выражением бесконечной печали и тоски, что также

просматривалось в его тёмно-зелёных глазах.

Он присел за стойку, положив на неё свои руки, на пальцах которой были наколоты перстни: с шахматной доской, скрипичным ключом, какими-то квадратами и прямоугольниками, решётками, ромбами, крестами, солнцем тёмным и светлым и, в довершении – с сердцем, разделённым напополам – на чёрное и белое.

Он положил на стойку мятую купюру и хриплым басом спросил:

– Зубровка есть?

Я молча кивнул, подал ему рюмку и налил его заказ.

Клиент тут же опустошил её, посмотрел на меня тоскливым взглядом, который стал, после выпитого содержимого, как будто тяжелее.

– Семён я, – сказал он, протягивая мне свою руку в перстнях. – Можно – Сенька.

– Очень приятно! – ответил-было я, пожимая ему руку, и только сам хотел представиться, как он продолжил:

– Давно работаешь-то?

– Ну-у... вполне-себе, наверное, – задумчиво ответил я.

Сенька усмехнулся, протягивая мне рюмку, которую я снова наполнил. Он тут же её опустошил.

– Знаешь, у нас так редко можно было выпить чего-нибудь, а я-то сам из Белоруссии, так у меня там мамка-то всегда зубровку делала... такой забытый вкус...

Он смотрел на меня своими тяжёлыми зелёными глазами,

когда я, по своему обыкновению, протирал стаканы и прочую посуду, однако, продолжал внимательно слушать. И всё же, его взгляд буквально заставил меня поднять голову.

– Понимаю, тебе, должно быть, неприятно со мной общаться, – прохрипел Сенька.

– Почему ж? – удивлённо спросил я. – Я вас внимательно слушаю.

– Мне просто так хочется выговориться кому-то, а то ж, последние полгода со мной, чай, не разговаривали... вот из-за этого...

Он показал на наколку в виде какого-то неправильного ромба с квадратными скобками, направленными в противоположную от углов сторону.

– Фуфлыжником меня заклеямили, понимаешь? Десять лет сидел – всё ровненько, хорошо было, и, вот, поди ж ты – дёрнуло меня с этим...

Он отвёл взгляд вниз.

– ...в карты рубануться... И, вот, вроде, знаю правила, вроде, на интерес играли, а...

Откашлялся.

– ...в общем, вывернули всё так, что я должен оказался... Где ж я, столько денег-то, возьму, скажи мне?

Сенька вновь протянул мне рюмку. Снова я её наполнил, и снова она мигом была опустошена, а взгляд освобождённого заключённого стал ещё тяжелее.

– У меня ж, понимаешь, – он указал на перстень в виде

какого-то многоугольника, похожего на гроб, в центре которого красовался православный крест, – мама померла, пока я мотал срок. Мне б её похоронить достойно, всё ж, подняла меня, когда отца-то не было. Так и на это, поди, найди деньги! А кому нужен зек после десяти лет? Вот, кому?

Сенька показал на другой перстень, где было разделённое сердце.

– И жена от меня ушла. Говорила, что дождётся. Писала даже. А потом, раз, и писем нет... месяц нет, два, три, полгода... А мне ж, понимаешь, тоскливо, страшно даже – как она там без меня? Написала-таки... в следующем, уже, году... так, мол, и так – ждать не могу, кого-то другого нашла и прочее... а я что поделать могу? – я ж в клетке!

Уже машинально протянул мне рюмку, в которую тут же была влита заветная зубровка, опрокинутая в горло моему собеседнику, а я всё удивлялся про себя, мол, как это так – даже не закусывает!

– А я, что думаешь? Я б простил её! Да, представляешь! Я ж всё хорошо понимаю! Только, вот, люблю я её! Люблю до сих пор!

В глазах у него появились слёзы, но он смог сдержать их, а я снова наполнил ему рюмку.

– А, в прочем, какая уж разница тут? Всё равно меня, чувствую, скоро найдут... долг выбивать будут...

Сенька опустошил рюмку, а я же набрался смелости и спросил:

– А за что вас?..

– Ну, как? Я-то человек простой, соответственно, и работа у меня была самая, что ни наесть, пролетарская, как говорят, да только для страны полезная. На заводе работал. Ста-лелитейном. Я от того-то и люблю чего покрепче, сам понимаешь.... А директор у нас был – сука такая, каких поискать ещё... и премию тебе задержит, и обругает зазря, так ещё и с зарплатой что-то намудрит! А я-то начальник цеха был, мне ж за ребят моих отвечать надо. Я к нему и так, и эдак – всё одно – пошёл, де, куда-подальше – трудись! Ну, тут-то я и не выдержал... как-то раз вломил ему покрепче, что зубов не собрал... так, что, думаешь это мне впаяли? – как бы не так! Он на меня накатыл, дескать, не он, а я рабочие деньги ворую и ещё какую-то там ересь городил... и, вроде, я-то чист – вон, сколько благодарностей, да и подчинённые все за меня были... так он, видать, менту взятку дал, али ещё кому, чтоб упекли меня только подальше. Ой, как я тюрьмы боялся! – мне-то тогда едва тридцать стукнуло, жизнь начинается, а тут – ёлки-палки!.. Дали десятку, хотя должны были то ли семь, то ли восемь, в общем, снова всё карман решил. А тюрьма что? – Тюрьма не... ну, сам знаешь, что... бояться не надо – садись... я и сидел от звонка до звонка под Тверью....

Он глубоко вздохнул и тоскливо-тяжело глянул на меня.

– Плесни последнюю, да пойду я...

Когда рюмка была опустошена, Сенька молча пожал мне руку и потихоньку вышел из нашего бара.

Пару месяцев его точно не было.

Последний раз он приходил в начале лета. Уже лучше одет и щетины меньше, но глаза всё такие же тяжёлые, а на лице, помимо прочего, красовались свежие ссадины.

Сенька снова молча положил деньги на стойку, а я, ничего не говоря, налил ему любимого напитка.

После двух рюмок он, всё же, заметил мой интересующийся взгляд на его лицо и неохотно прохрипел:

– Я же говорил, что найдут меня... вот и нашли... даже здесь... эх, браток, боюсь, видимся мы с тобой в последний раз... убьют, ведь...

– А в полицию пойти не пробовали? – постарался я хоть что-то ответить.

– Да кто ж мне поможет-то там? Заявление-то примут, но только это ж «висяк» для них! Сам же понимаешь, как наши менты работают...

Повисла тишина, нарушаемая лишь фоновой музыкой нашего заведения, звоном посуды и отдалённым смехом, и фразами.

– Эх, налей, пожалуй, последнюю, да пойду я, потихоньку..., – грустно прохрипел он.

Снова зубровка наполнила рюмку, и вновь Сенька, в своей манере, одним махом её опустошил, после чего угрюмо глянул на меня, просипел что-то типа «прощай» и, не оглядываясь, вышел....

На душе стало как-то холодно и пусто....

Хороший мужик, просто в жизни не повезло. И всё же, я надеялся его ещё увидеть, ведь от него прям исходила эта самая человечность, что от обычных людей, ой-как, нечасто исходит...

Однако с тех пор, в нашем баре он не появлялся, и сам я его не встречал нигде. Неужели и вправду за ним пришли?..

Солдат

*Мы слабо верим в чудеса,
Но верим искренне в приметы.
И наших судеб паруса
Иными ветрами воздеты.
И.Н.Морозов*

В нашем заведении люди в погонах появлялись нечасто, и то, в основном, полицейские и прочие силовики, которые, как правило, брали что-либо с собой и исчезали. Военные, по крайней мере, в открытую к нам не заходили. Скорее всего, потому что наш бар находится вдоль главной дороги города, а потому, если военные тут и проезжают, то времени у них просто нет.

Лунарёв же в первый раз появился в форме. Собственно, благодаря этому факту, я и узнал сначала его фамилию, что была вышита вместе с инициалами «А.А.» на левом кармане синего авиационного кителя, на котором красовались такого же цвета погоны с голубыми просветами, между которых была одна большая звезда; всякие разные нагрудные знаки и два ряда орденских планок, чьи ленты красиво переливались на свету.

При первом посещении «товарищ майор», как его тут же

прозвал администратор, находившийся в тот момент рядом со мной, заказал простой водки. Это, конечно, произвело впечатления, хотя и было ожидаемо – типичный жёсткий военный, обычно по скромному пьёт водку. Разговаривать офицер особого желания не изъявлял, впрочем, его никто и не тянул за язык, лишь бы заплатил. Правда, напоследок, отдавая купюру, он сказал:

– Я ещё как-нибудь приду. Для меня тогда сразу водку готовьте.

С этим, конечно, проблемы отсутствовали, ибо этой самой водки было аж тридцать марок, а количества – хоть залейся!

Между тем, майор не обманул, и, в самом деле, вскоре – дня через три – снова появился, но уже в простой гражданской рубашке и джинсах.

Без фуражки и остальной формы его лицо казалось, как будто, добрее, голубые глаза смотрелись красивее и насыщеннее на фоне угольно-чёрных волос. Я даже его не узнал сначала, только когда он произнёс:

– Я к вам приходил три дня назад в форме. Лётчик. Просил, чтоб вы мне сразу водку наливали.

Я вспомнил кто это, подал ему рюмку, тут же наполнил её и предложил чем-то закусывать, но майор ответил:

– Потом попрошу.

Залпом выпил всё содержимое, занюхал рукавом рубашки, проморгался, а затем посмотрел на меня.

– Может, всё-таки закусите? – спросил я.

– Отставить! – бросил клиент. – Я же сказал потом попрошу.

Тут его выражение лица сменилось, и он уже мягче добавил:

– Ты извини, что я так жёстко, просто уволился недавно – отвыкнуть трудно.

– Понимаю, ничего страшного, – ответил я.

– Да, знаешь, просто иногда люди обижаются, а то и смотрят косо, когда так говоришь им.

– Ну, профессиональный сленг, что уж тут?

– М-да-а-а..., – протянул Лунарёв. – Когда на нём почти двадцать лет разговариваешь, хех...

– Двадцать лет служили? – спросил я, подливая водку.

– Чуть поменьше – шестнадцать, – ответил офицер, опустошая рюмку. – Мечи закуску!

Я тут же подал ему тарелочку с салом и гренками, и сам не заметил, как начал уплетать всё это вместе с ним.

– У меня, получается, шестнадцать «календарей», – начал он, прожевав сало, – а если с лётными и прочими¹... ну, ты понял... тут, короче, все двадцать, а то и больше выйдет.

– Ёлки, дык, это ж вы уже генералом могли бы быть, наверное! – восхитился я.

– Какой там?.. – усмехнулся Лунарёв, выпивая очередную

---

¹ Здесь речь идёт про коэффициенты, которые прибавляются военнослужащим-лётчикам к их выслуге, в зависимости от специальности, места службы и пр. (Прим. авт. В.О.)

рюмку. – Меня, кстати, Анатолий зовут.

Он протянул мне руку, я ответил на рукопожатие.

– Слушай, а у вас тут коктейли же есть? – вдруг спросил он.

– Конечно..., – ответил я, и только собрался предложить ему глянуть меню, как Лунарёв бросил:

– А сделай мне «секс на пляже»!

Конечно, от такого сурового человека было неожиданно услышать подобный заказ, но, как говорится, хозяин-барин, а потому – сказано-сделано.

Потягивая коктейль, Анатолий осматривался в зале, а затем как будто невзначай произнёс, возвращаясь к предыдущей теме разговора:

– А знаешь почему я не стал даже полковником?

– Почему же? – спросил я.

– А, вот, жопу никому не лизал потому что! Чуть-чего – так все сразу: «ой, Лунарёв!», «ой, Толик!», «да ты ж такой профи!». А как я чего-то просил, так всё – пошёл ты, лётчик... в своё небо... а я им в лицо говорю, мол, нет, товарищ, это вы идите, а мне дайте, что положено! Ну, тут уж, как ты знаешь, что положено, на то хер наложено. Всё равно посылали.... Вот я и запарился со всем этим дерьмом жить. Ты, понимаешь, для страны служишь, присягу даёшь, а на деле получается, что ты не слуга народа, как это, по идее, должно быть, а раб гоп-компании каких-то дегенератов, которым приспичило померяться мускулами или ещё чем-то...

Всё время тебе твердят, мол, выполняйте свой долг во имя родины, а она вас не забудет! Какая, твою мать, родина? Где она? Что это? Она есть вообще? Или это государство, которое нас посылает, хер пойми куда, а потом чуть-чего: «их там нет!», а тебе, если по морде не дадут, так молчать под расписку заставят, вот тебе и все дела! Вот те и солдат – слуга народа! Я же, что, думаешь, кичусь своей профессией... бывшей... своим званием? Да я такой же солдат, как и все, просто летал! А на деле-то что? – кому ты служишь – непонятно; кого защищаешь, ради кого воюешь – тоже загадка; зато, когда тебя обсчитывают или посылают – тут уж не тайна! – тут уж, понимаете ли, так получилось у них! А главное – расскажешь кому, пожалуешься, так тебе же только хуже будет! В лучшем случае скажут, мол, извините ошибочка, а, вообще-то, вас государство не обидело – вон, даже орден вручило! Да я, суки, извиняюсь за слово «да», летаю не за ордена и медали, а за то, хотя бы, чтоб себя и семью содержать, раз идеи никакой нет в мире. Так нет же! Тебя заставляют подписать, что платить тебе будут под сотку, а как платили стандартное жалование – так и платят! Ну, зашибись, не правда ли?! А то, что тебя, как бы, убить могут или ещё что – всем по барабану! Ты – солдат, ты – слуга, ты – расходный материал! А коли реально сдохнешь, ну, тогда ладно, дадим твоей семье какую-то страховку... которую только и можно, что пропить.... А так, конечно, по ящику-то мы все в сказке живём... венского леса, твою мать!..

У Анатолия, судя по всему, пересохло в горле, ибо он буквально сразу же высосал весь коктейль через трубочку, а затем рассмеялся:

– О, как вставило-то от секса этого!.. Жёсткий, видать, был! Наговорил тут тебе... всего-всего разного, а то, потом ещё явится кто, хех... Ты уж извини, что вывалил на тебя всё это, слушать заставил...

– Да что вы! Наоборот даже интересно было!

– Я тебе вот чего скажу, раньше было не очень... сейчас хреновенько... а всё изменится – точно тебе скажу! Всё, когда-то, приходит к лучшему!

После этих слов майор улыбнулся, кладя на стойку мне купюру и удалился из зала.

Заходит он и до сих пор. Реже, конечно, ведь в авиакомпанию устроился теперь. И всё же, Анатолий всё такой же суровый, всё также пьёт водку или коктейли на ней, и вспоминает, время от времени, свою службу.

А, вообще-то, мужик интересный. Должен сказать вам, что он просто разрушил мой стереотип о том, что военные матом разговаривают. Да, бывает, конечно, что-нибудь крепкое скажет, но тут же извиняется, ведь он уже не на службе....

Вдова

*С любимыми не расставайтесь!
Корнями прорастайте в них!
И каждый раз на век прощайтесь,
Когда уходите на миг!
А.С.Кочетков*

По-разному на людей действует горе. Кому-то по мозгам даёт, кого-то гонит в гроб... а кого-то состаривает...

Эта женщина была у нас только один раз, однако, для своего возраста и вида, пила довольно крепко, как, иной раз, здоровые мужики не пьют.

Когда она вошла во всё чёрном я даже сначала-было подумал, что это «готка» какая-то или ещё кто. Но затем я увидел её лицо – вроде, ещё такое молодое, но начавшее покрываться морщинами, опухшее, с красными, видимо от недосыпа, глазами и почти белыми, словно снег, губами.

Она аккуратненько присела за стойку и просипела:
– Можно, пожалуйста, Асканели².

Такой заказ был крайне неожиданным, что я даже вначале растерялся и минут пять не мог найти нужную бутылку и то,

---

² Грузинская марка коньяка. (Прим. авт. В.О.)

которая оказалась у нас в единственном экземпляре.

Она выпила первый бокал чуть ли не залпом, и из глаз её выступили слёзы, а затем и послышался плач навзрыд.

– Ну, что вы, что вы? – начал успокаивать я и налил стакан воды. – Успокойтесь! Что случилось?

Женщина едва пригубила воды, затем буквально выхватила бутылку коньяка у меня из рук, и сама себе налила. Залпом выпила весь бокал.

– Одна я осталась, понимаешь?! Одна! – сиплым голосом сквозь плач говорила она. – Сыну едва год, а я одна! Я не знаю, как мне жить!..

– Ну-ну-ну, не стоит, – всё ещё старался успокаивать я, думая, что её просто бросил муж. – Может он ещё вернётся...

Она посмотрела на меня тяжёлым взглядом своих воспалённых глаз, из которых сочились слёзы и прошептала:

– Оттуда. Не возвращаются... Нет его больше... Похоронила я его...

Тут мне стало одновременно не по себе и неловко.

– Извините пожалуйста! Я вам искренне сочувствую...

Женщина налила себе ещё конька и также залпом опустошила бокал.

– Вы хоть бы закусывали, а то ж погубите себя так, – внимал я к её разуму. – На кого ребёнка-то оставите тогда?

– Я не знаю... я не знаю, что вообще мне делать... Мне двадцать четыре года, все мои подружки счастливы, а я сво-

его мужа хороню...

– Жизнь же на этом не заканчивается, – старался я подбирать слова. – В конце концов, вам есть ради кого жить!

– Это всё я виновата! – продолжала она говорить о своём. – Мы ж поругались с ним в тот вечер. Я говорю, мол, зачем тебе, Женя, ехать к друзьям своим? А он, дескать, не виделись давно, надо бы! Я-ему – с ребёнком побудь, а он-мне – успею ещё... и пошло у нас с ним – поехало...

Снова она опустошила бокал, громко сглотнула, зажмурив глаза и скривив лицо, и продолжила:

– Столько всего наговорили друг-другу. Я и говорю, дескать, пошёл вон! А Женя смотрит на меня так тяжело и говорит, как на духу помню: «Эх, Людмила...». Знаешь, он ведь меня так редко называл! То Люсей, то Милой, то Людой... а тут... ну, думаю, совсем уже... Пошла к сыну тогда. Сижусь с ним. И тут слышу на улице хлопок какой-то и, причём, громкий такой... Сразу что-то в сердце моём ёкнуло, но, думаю, ладно, может накручиваю я себя? А мысли все об одном – глянь в окно! Я смотрю и не вижу сквозь свет фонаря, – вроде как, наша машина лежит перевёрнутая, а вокруг люди собираются... Я как выбежала! Я в жизни никогда так с лестниц не спускалась! Прибегаю – смотрю – а правда, наша машина... а что с Женей? Гляжу – вот он... как всегда, не пристегнулся, откуда-то кость торчит и кровь... кровь откуда-то идёт!.. Я и грохнулась в обморок... Очухиваюсь в больнице, а мысли только две: сынок... и Женечка... где они

все?! А ко мне врач такой аккуратненький подходит – спрашивает, мол, вы жена такого-то? Я ж понимаю, что про моего мужа говорят, хоть и башкой ударились о мостовую! Говорю, да... и тут его фраза..., и я уже почти ничего не помню... я плакала... головой об стену билась... по полу каталась... мне так стало стыдно и горько от того, что я всего этого наговорила ему, а он вот так разбился прям у дома!..

Людмила снова налила бокал, и я заметил на её макушке целый пучок седых волос.

– Знаешь, не за себя обидно больше – за Сашку, за сына! Я ж его без папы оставила! Вот, как?! Как мне, скажи, теперь жить со всем этим?!

Она уже рыдала, сжимая в одной руке бокал, а на другую опёрлась лбом. Кое-какие посетители уже начинали на неё нервно поглядывать и перешёптываться, делая какие-то свои выводы и говоря между собой всякие колкости в её адрес. Увы, с этим ничего не сделаешь – такова человеческая природа, тем-более у нас – не разбираться в том, что у человека на душе, а лишь глядя на его поведение делать свои поспешные заключения, да гнобить его....

– Вы знаете, – попытался я сказать нечто успокаивающее, – мне по жизни, в общем-то, повезло – сам не сталкивался с подобным... Но мне знакомо ваше горе, и я вам искренне сочувствую. Мне жаль, что помочь я могу только тем, что лишь подолью коньяка, чтоб вам ненадолго полегче стало. Но вы же знаете, что ваша жизнь на этом не кончилась.

Вам Сашку поднимать надо! К тому же, вы ещё молоды и, как бы дико ни звучало, у вас ещё всё впереди... Вы – верующая?

– Да...

– Не сомневайтесь, в таком случае, Бог точно пошлёт вам нужного человека, а Евгений поймёт вас – поверьте. В конце концов, я уверен, он простил вас уже, видя ваши страдания, а сидя тут передо мной, мне думается, вы расстраиваете его. Он бы такого не хотел...

Людмила начала поднимать голову. Глаза всё ещё были красными, но как будто живее.

– Знаете, вы, наверное, правы..., – сипела она. – Он бы такого не хотел...

– Вот, видите!.. – улыбнулся я.

– Мне... мне домой надо... к Сашеньке... – засуетилась Людмила, хватаясь за голову и направляясь к выходу, но, вдруг, резко остановилась.

– Ой... – схватилась она за голову. – Сколько с меня?

– За счёт заведения! – улыбнулся я, решив оплатить её заказ из своего кармана, ибо видел её горе и понимал насколько ей тяжело. – Купите на эти деньги, лучше, что-нибудь для своего сына!

– Нет... нет... я так не могу..., – судорожно мотала головой Людмила.

– Слушайте, – убеждал я, – вам сейчас тяжело, а деньги нужны будут! Погуляли – и хватит! Надо о сыне заботиться!

А мы от такой суммы не обеднеем!

Я чувствовал, как на меня начинают косо поглядывать некоторые клиенты, однако, я чётко понимал на что иду, к тому же, администратор меня бы понял, если б ему сказали об этом.

– Так что, идите спокойно. Выпейте воды только, съешьте ломтик лимона, чтоб от вас сильно не пахло и идите.

– Спасибо вам!.. – слегка плача ответила Людмила, выпивая стакан воды.

– Да не за что! – отвечал я и, буквально, чувствовал, как у меня расплывается улыбка на лице. – Заходите, как-нибудь, ещё, будем вам рады!

Женщина скрылась за дверьми, ведущими наружу, а у меня было тёплое ощущение, что я смог, вероятно, хоть кому-то помочь в этой жизни.

Не знаю, помогаю ли я своим клиентам тем, что они мне выговариваются, но я точно знаю, что Людмиле я хоть чем-то помог!

С тех пор, правда, она к нам так и не заглядывала. Впрочем, я её понимаю и искренне надеюсь, что она просто занялась воспитанием своего Сашки и уже встретила кого-нибудь похожего на своего Женю....

Студентка

*Девочка-студенточка влюбилась на беду,
Думала, мол, я его с собою уведу,
Я ведь молодая, вся такая из себя...
Ах, девочка, не надо, не обманывай себя!*
В.Д.Курас

Продажа алкоголя лицам младше восемнадцати лет у нас в стране запрещена. Немудрено, что когда я в первый раз увидел в нашем заведении эту юную леди, то был крайне удивлён, особенно после её заказа в виде водки.

Называю её именно леди, потому что... ну, не выглядит она как заядлый алкоголик или ещё кто... это очень миловидная девушка с совсем ещё детским личиком, курносый носом, светло-русые волосы, маленькими, сверкающими зелёными глазками и такой искренней ребячьей улыбкой. Да и сама по себе наша клиентка маленькая – до стойки дотягивается, только когда на барный стул садится.

Естественно, как и полагается, при первой встрече я попросил её показать паспорт, а то продам ещё ребёнку алкоголь, а потом отвечать. Однако мои опасения оказались напрасными, ибо девчуле, так-то, уже девятнадцать лет было, а звали её Никой (фамилию и отчество, увы, уже забыл, да

это, в сущности, не так уж и важно).

Наливая ей рюмку я, усмехаясь, бросил:

– Что же ты, Ника, такая молодая, красивая, а водку хлещешь?

Гостья молча осушила рюмку. Зажмурившись, занюхала рукавом своей чёрной кожанки, буквально проглотила пару кусков солёного огурца и ответила:

– А что, нельзя, хочешь сказать?

– Ну-у-у... – как-то замялся я, – не особо женский это напиток. По крайней мере, не для таких молодых как ты...

– А что ты предлагаешь? Текилу пить? Дык ей не зальёшься, как надо.

– Ах, вот оно что!

Я подлил ей снова.

– А что заливаем?

– Да так... личные истории...

– Бросил кто-то?

– Было б кому...

Она опрокинула в себя рюмку, занюхала ломтиком огурца и продолжила:

– У нас в универе парень один учился. Я, когда поступила только, он уж на пятом курсе был. На него только ленивый не смотрел, ещё бы, – красавец, всё всегда на отлично сдаёт, при этом на пары толком не ходит! Талант, проще говоря! Так, главное, он совсем один! Без бабы! Все на него заглядываются, а он – ноль внимания! Я тогда, конечно, не задумывалась

о том, чтобы как-то к нему подкатить или что-то такое, но... это первое время... Мы с ним как-то случайно пересеклись на входе в один из корпусов, он для меня дверь придержал. Так вот, я проходила мимо него и смотрела ему в глаза, а в них такая глубина и ещё что-то – до сих пор не пойму!.. В общем, поняла я, что влюбилась... Всё старалась как-то подловить его в коридоре, даже, чтобы просто посмотреть, да не удавалось никак... В деканате случайно расписание его группы нашла, специально через эти этажи проходила, а этого всё нет и нет... не так уж и часто он ходил... Но, всё-таки, пару раз мне везло – мы пересекались, и, знаешь, сердце так колотилось, так маялось, что просто... не описать.... А он, видимо, заметил, а может, ещё что, да только стал чаще появляться в универе. И главное, всякий раз прохожу мимо их группы в коридоре, смотрю на него, а он так пристально на меня, буквально глаз не сводит. Как-то получилось, что я приболела – неделю не появлялась. Потом прихожу, как выздоровела, смотрю, он у забора курит. Меня заметил – заулыбался, сказал, мол, где пропадала, или я уже не интересен? Так неловко стало... я, возьми, и ляпни, дескать, нет, что ты? Предложил прогуляться после пар. Я согласилась...

На глазах у Ники выступили слёзы, и она попросила:

– Плесни мне ещё, сейчас очень тяжело будет...

Когда рюмка была полной, девушка тут же выпила её, и продолжила, уже не занюхивая или закусывая:

– Я еле дожила до конца пар! Думала сгорю вся от нетер-

пения! Наконец, дождалась. Стою у входа. Вот он – мой красавец! А я тогда ещё подумала, когда это я стала говорить о нём «мой»? Тут-то до меня и дошло! Влюбилась, твою мать! Гуляли мы не так уж и долго, но для меня это была вечность... Даже не помню, о чём мы говорили, но настолько интересно всё это было... а его голос – заслушаться можно! С тех пор, мы стали гулять так почти каждый день, и всякий раз, всякий божий день я была невероятно счастлива! Как-то, я ему всё-таки призналась, что люблю... Я хорошо помню этот момент, эту дату... Лил дождь, чуть ли не ливень. Мы едва успели забежать под навес кого-то, вообще левого, подъезда. Я прижалась к нему, как котёнок на ручках и сказала, как сейчас помню, «почему такой холодный льёт дождь, когда я так горячо тебя люблю...». В какой-то момент мне стало страшно... потом стыдно... как я могла так старомодно всё это сказать?! А он смотрел на меня, улыбаясь, сказал, что это очень мило, но ему надо подумать... Зато мне-то как хорошо стало! Банально потому что меня не отвергли! Это уже счастье было! Но потом он на недели две пропал... а я – дура – ни номера, ни ВК его не узнала... чуть ли не плакала от тоски, потому что его нигде не было... Потом появился. Представляешь, стоим перед входом в универ, а я в его объятиях плачу. И мило, и трогательно, и смешно, наверное, ... Он предложил тогда у него посидеть. Конечно же, я согласилась! Снова это томительное ожидание конца пар! Снова я буквально сгораю! Кое-как отвечаю на семинарах, да и пле-

вать, в принципе, главное, что скоро мы снова будем вместе! Как будто после плена на войне, ей-богу! Наконец, встретились! Идём к нему. Сидим на кухне, что-то-там едим, обсуждаем, хохочем, когда... он в один момент положил свою руку мне на колено и так близко-близко приблизился ко мне... я буквально растворилась в его поцелуе... Когда он взял меня на руки и понёс куда-то, я так вжалась в него, я чувствовала себя маленьким ребёнком. Очень стеснялась, помню, когда он раздел меня... даже покраснела, как я чувствовала... но он был такой уверенный, что мне, вроде как, стало легче. Не знаю сколько мы занимались с ним сексом, но это было что-то непередаваемое!.. Как будто утро в день рождения – не знаю, как ещё сказать... Тогда я расценила это как ответное признание в любви, но...

Ника уткнулась лицом в сложенные на стойке руки и захлопала. Я не стал ничего говорить – это выглядело бы уже совсем неприлично с моей стороны, хотя мне и было безумно интересно, что же такое произошло дальше...

Наконец, спустя где-то минут пятнадцать, слёзы её отпустили, она сама налила себе водки, опрокинула, не закусывая и продолжила:

– После этого я снова не видела его пару недель, а может и месяц. Дико переживала. Вдобавок к этому, я поняла, что беременна от него. Это не как в фильмах, когда ты не понимаешь от кого именно – нет! Я девственницей была, а с ним у меня и был первый раз – то есть, только от него и ни от кого

другого! Я ждала его, чтоб сказать об этом. Появился. Весь хмурый. Понурый какой-то. Я подумала, что он устал, всё ж через месяц защита диплома, думала обрадовать его! И тут он мне выдаёт, дескать, прости, Никуль, заигрались мы с тобой в любовников! Я тебя, конечно, люблю и всё такое, но я уже давно женат, просто она пока в другом городе – тоже учится, поэтому давай без обид... Для меня это такой шок был! Я думала, что просто убью его на месте, но... я всего лишь разрыдалась и убежала оттуда... Я не знала, что делать! Меня обманули! Можно сказать, развели на секс! Использовали, как шлюху, а я теперь ещё и беременная! У мамы денег просить было стыдно, наскребла у себя, у подруг назанимала – в общем, аборт... я просто осталась, считай, без денег, в долгах, как в шелках, одна и без ребёнка... Конечно, девочки, когда я им сказала, простили мне долги, но я ж всё равно вернуть хочу, так надо! А этот... папаша-бабник... окончил, и что ты думаешь? Остался преподам у нас! Каково же было моё удивление, когда я прихожу на второй курс и вижу, как этот ублюдок ведёт пары у другого факультета!

Ника сама взяла бутылку и, к моему удивлению, немного отхлебнула прямо из горлышка.

– Иногда я вижу его, гуляющего со своей женой, по тем местам, где мы с ним раньше ходили. Он замечает меня, но делает вид, что не знает. Даже не подмигивает, собака... Ненавижу его больше всех, но... вроде как, ещё люблю... Ты знаешь, я была бы невероятно счастлива, если бы он бросил

свою жену и вернулся ко мне... думаешь, я б отвергла? Да я бы его с руками-ногами оторвала! Приняла бы конечно! Простила бы! А с другой стороны... он такой мудака, каких поискать...

Ника шмыгнула носом и глянула на меня своими покрасневшими, от слёз, глазами. Личико её было всё таким же милым, с румяными, от тех же слёз, щёчками. Хотелось прямо её обнять и приласкать – настолько она была ещё ребёнком.

– Эх, Ника..., – только и нашёлся я, что сказать.

– То-то и оно, – ответила девушка.

– Тяжёлое тебе испытание выпало, но ты ж выдержала, так? Уже не всё так плохо! На работу-то устроилась?

– Да...

– Ну, вот! Долги подругам вернёшь со временем. А там, глядишь, нормального жениха себе подыщешь.

– Нет..., – дрожащим голосом ответила она. – Он мне больше не нужен. Я не верю...

– Перестань – это у тебя временно. Потом, когда ты поймёшь, что не все мужики такие – станет полегче. Главное – учёбу не забрасывай, а то...

Я усмехнулся.

– ...станешь такой, вот, как я...

– Разве тебе несладко? – поинтересовалась она.

– Не то что бы несладко, но лучше б я учился, честное слово!

– Спасибо тебе за всё!..

Ника положила на стойку купюру.

– Да ладно тебе, лучше подругам верни, – сказал-было я, но девушка, словно читая мои мысли, уже была у самого выхода из бара.

С этой встречи прошло несколько месяцев. Примерно полгода.

Ника появляется не часто. Пьёт уже, в основном, красное вино. Выглядит веселее. Уже не припомню, когда, но она говорила, что все долги вернула. А буквально недавно заходила, снова заказав себе вина. Пока я наливал, девушка воодушевлённо говорила, что в неё теперь кто-то влюбился, и что, вроде как, всё, быть может, будет взаимно...

Жду теперь её нового появления, ведь интересно, как же всё-таки сложится этот роман. Всё же, надеюсь, что не так, как предыдущий....

Пристав

*По теории всё относительно,
Вот и сбылось чужое пророчество.
Вероятность бывает действительной,
Когда встретишь свое одиночество!*
А.М.Козачук

При виде этого клиента, некоторые наши посетители буквально вздрогнули и стали подозрительно, можно даже сказать, злобно на него поглядывать.

Чёрная куртка, с фальш-погонами, на которых сверкают четыре звёздочки и шеврон на левой руке с надписью: «ФС-СП», производила должный эффект.

Сам же мужик был вполне обычным: наголо выбрит, серые глаза, среднего роста, хотя и довольно хорошего телосложения, что мог бы и вышибалой где-нибудь работать. Его голос буквально соответствовал внешности, потому как из его уст звучал прямо-таки басовитый рокот, приводивший, полагаю, любого человека, говорившего с ним впервые в некоторое замешательство.

Мужчина сел за стойку и заказал, к моему удивлению,

Рара Double³.

Пока я смешивал заказ, то не упустил момента выразить своё изумление:

– Весьма необычный выбор для представителя вашей профессии!

– Какой-такой моей? – чуть понизив голос, спросил пристав.

– Как какой? – переспросил я и, взглянув на шеврон, сказал: – Судебный пристав. Разве я ошибаюсь?

Клиент с усмешкой посмотрел на свой рукав и махнул на него рукой.

– Ошибки молодости... и зря просраное время...

Между тем, я уже поставил бокал с коктейлем на стойку и спросил:

– Почему же?

Пристав немного пригубил содержимое и попросил:

– У вас медка какого-нибудь не найдётся?

Конечно, мёд добавлять в такой коктейль было не принято, однако, слово клиента – закон, а потому я подбросил пару ложечек.

Он снова немного выпил и продолжил, отвечая на мой вопрос:

– Почему, спрашиваешь? Да потому что неблагодарная эта работа! Мы что должны делать? Следить за принудительным исполнением решения суда! А что делаем мы? Ходим

---

³ Коктейль на основе рома Bacardi. (Прим. авт. В.О.)

по квартирам, в сущности, невинных людей и шмонаем их, иначе я это назвать не могу! Вот, представь...

Он сделал широкий жест рукой, как бы показывая.

– Вот, вынес суд решение, что не прав налогоплательщик, а, так как, платить ему нечем, то надо у него имущество арестовать. И вот, едешь ты к нему. Заходишь в квартиру, а у него толком-то там и нет ничего. А всё потому, что его просто налоговая грёбаная обманула, и платить ему нечем. То есть, мы, фактически, просто выкидываем человека на улицу! А он-то виноват только в том, что отказался подчиняться реально преступным требованиям налоговой. Он стоит перед нами – умоляет, постановления показывает. Там чёрным по белому видны все ляпы и ошибки этих идиотов – даже не стараются! Только что ему с того? Суд он против них проиграл, потому что судья – друг начальника налоговой, а долг-то растёт... И, вроде как, нам всё равно должно быть, вот, только мне жалко людей... Что же это получается? Ты пашешь на это грёбаное государство, которое даёт тебе хер да маленько, платишь ему из своего кармана налоги, а оно тебя ещё и раздевает буквально! Вот, скажи, зачем так жить? Люди заслужили такое? А недавно...

Пристав снова сделал глоток коктейля.

– Недавно познакомился с девчонкой. Умница, красавица – все дела, ну, ты понимаешь... Встречались месяц, другой, третий... как-то у нас всё завертелось, закрутилось... и складывается всё, вроде – оба на государство работаем: я

– пристав, она – врач. Всё чин по чину. Уже надумал даже предложение ей делать. Колечко купил!

С этими словами он вынул из кармана брюк небольшую коробочку из красного бархата, в которой лежало золотое кольцо с маленькими синими топазами или чем-то похожим.

– А, вот, буквально дня три назад послали нас съездить к, ты не поверишь, – ветерану! Квартиру арестовывать! Ну, это ж абсурд! Я даже толком не понял за что. В общем, приезжаем мы к деду. Заходим. А он совсем старенький, уже горбатенький, говорит плохо... а мы... что мы? Стоим в этой долбаной чёрной форме...

Он брезгливо махнул рукой в сторону своих погон.

– ...с автоматами и оглашаем ему решение суда и прочие формальности. А он сидит, смотрит на нас из-под своих старых век, как будто и не видит, и говорит старческим голосом: «Что же вы, сынки, меня грабить пришли? Совсем уже убить хотите, эсэсовцы?! На войне не смогли, так сейчас, что ли?!». И ты знаешь, настолько жалко мне его стало, чуть ли не до слёз... Начальник ему что-то там втолковывает, а я реально понимаю – мы ж, как фашисты!.. Что это такое? Старого человека, прошедшего войну, доживающего свой век в этой квартире, времён шестидесятых, надо выкидывать на улицу или в дом престарелых?! Разве это нормально?! А тут, смотрю, девчонка какая-то в квартиру заходит, вроде как, внучка. Увидела нас всех, растолкала, сразу к деду побежала, кричать начала... а я ж её знаю!.. Это ж Катенька! Невеста

моя! Она меня видит, узнаёт и в слёзы: «Коля, как ты мог?! Что же ты за сволочь такая?!». Наши все в замешательстве, начальник что-то там бубнит про ответственность за оскорбление сотрудников, а мне тоскливо... я понимаю, что уже не женюсь на ней, что не смогу ей больше в глаза смотреть... Короче, рапорт я в тот же день написал. Не хочу я больше этим говном заниматься! И так уже всё потерял...

Николай выпил залпом пол бокала, протяжно выдохнул.

– До сих пор перед глазами этот дедушка стоит... и его фраза, что мы эсэсовцы... А, ведь, он прав, по факту... Вроде, не при фашизме живём, вроде, не каратели, а государство людей унижает и мучает похлеще гестапо, получается... мне просто обидно, что я был в этом всём дерьме...

– Чем теперь займёшься? – поинтересовался я.

Николай залпом допил коктейль, оставил бокал, положил кулак на стойку, опустил голову и исподлобья произнёс:

– Работать буду... но не на это треклятое государство... не на эту власть... Я ещё не знаю кем и где, но чтоб людям помогать. Пусть даже денег будет меньше, зато чист буду... и совестью, и душой – всем!..

Он положил на стойку несколько купюр и поднялся со стула.

– Спасибо, что выслушал!

Он усмехнулся:

– Денег на психолога нет, а поговорить не с кем.

Он откашлялся, как бы оговорился:

– ...Выговориться некому...

Едва я собирался ему ответить, как Николай уже направился к выходу.

С тех пор, бывает он в баре довольно редко... и то, чтобы пропустить пару рюмочек коньяка по субботам. Вроде бы, умудрился стать адвокатом в какой-то частной конторе. Зарабатывает, говорит, неплохо. Совесть у него чиста. Вот, только, с Катей своей помириться так и не смог, ибо дедушка после этого визита очень скоро умер... Видимо, за это она его не простила....

Ветеран

*Помни войну! Пусть далека она и туманна.
Годы идут, командиры уходят в запас.
Помни войну! Это, право же, вовсе не странно:
Помнить все то, что когда-то касалось всех нас.
Ю.И.Визбор*

Пожилые люди к нам почти не заглядывают. А если и заглядывают, то им, как правило, не больше семидесяти лет и заказывают они, в основном, пиво или что-то безалкогольное.

Однако этот старик разительно отличался от всех остальных. Хотя... его стариком-то нельзя было назвать... скорее старичок... невысокий такой, скромный, с очень мягким голосом, всё время со своей старой-старой тростью, прихрамывающий на правую ногу. Лицо его, покрытое морщинами, всегда как будто сияет, ведь он постоянно улыбается своей старческой бледной улыбкой. Волосы, на удивление, ещё не выпадают, а наоборот красиво выются, хотя и седые. Возраст не сделал его толстым, как делает со многими пожилыми людьми, наоборот – высушил, сделал почти как мощи.

Он заходит нечасто. В основном, ближе к вечеру, когда на улице ещё светло. Опираясь на свою трость, буквально за-

прыгивает на стул, кладёт пятьсот рублей и просит кофе с молоком и кусочком торта. Реже он заказывает рюмку водки...

В первый раз, меня даже умилила эта его простота заказа и общения. Такой искренней вежливости я ещё не слышал ни от кого из клиентов:

– Молодой человек, будьте, пожалуйста, так добры, сделайте мне немного кофе с молоком, и какого-нибудь торта кусочек мне дайте.

Вроде, ничего необычного, а настолько душевно звучало, что я даже выдал в сердцах:

– Все бы так заказывали...

– А что? Мне ж немного надо на старости лет.

– Всем бы так...

– Ну, так, раздолье же! Вон у вас сколько бутылок-то стоит! – восхищался он.

– И то правда.

– А я своё уже отпил. Помню, раньше мог много пить и не пьянел. А с возрастом как-то, знаете, здоровье стало жаль. Вот, уже тридцать лет как, считайте, не пью. Так, только, иногда по праздникам рюмашку пропускаю-другую. Дальше уже и врачи не велят...

– Ну, в вашем-то возрасте...

– А я, знаете, с двенадцати лет, ведь, можно сказать, пью...

Я поставил на стойку его заказ, он слегка отхлебнул кофе

и стал вилочкой разрезать эстерхази.

– Как в сорок втором году прибился к партизанам, так и пошло... там же, сами понимаете, перед разведкой иль налётом всяко страшно, а так выпили по сто грамм, ну, мне пятьдесят давали, и, вроде, уже ничего – можно идти. Как будто наркотик какой-то, можно сказать, но пили многие..., наверное, даже, все...

– Так вы воевали? – удивился я.

– Конечно. Я сам-то из Мозыря. В деревне мы жили. У меня папа в сорок первом году на фронт ушёл, там и погиб... а через год к нам немцы пришли. Маму в Германию угнали, меня тоже хотели, так я в лес убежал. Хотел, помню, в армию – так не брали. Кому я в одиннадцать-то лет нужен был? Прибился к партизанам – там все нужны были. И вот, пошло как-то... Я маленький вышел, да и остался таким...

Старичок усмехнулся, поедая кусок торта.

– То провод отыщу немецкий – обрублю – без связи их оставлю. То в деревню какую забегу, разузнаю кто и где живёт и прочее, а потом в лес, к командиру отряда сразу. А он у нас здоровый дядька был, плотник, по-моему. Всегда, помню, говорил: «Спасибо, Гришуля! А дальше уже взрослые разберутся!». А я просился с ними на это самое дело. Всё никак не брали. Я тогда, по-тихому, следом за ними пошёл. Заметили всё-таки меня, но уж поздно было, иди, сказали, с нами. Мост нам тогда следовало взорвать, чтоб прям как поезд пойдёт, так сразу. Ну, стало быть, взрывчатку заложил-

ли, часовые-то немецкие – кто дрыхнет, кто ещё что делает – нам с руки было. Только состав показался – мы и рванули железку, и дёру оттудова. Дня два мы от немцев убегали – следы путали. На третий день какая-то группа ихняя нас нашла – в бой ввязались. Вы знаете, так страшно мне никогда не было! Вокруг стрельба, крики наших и этих... а я только с лопаткой сапёрной... Что я мог сделать? Помню, увидел мёртвого немца, а у того автомат валяется. Только я прыг к нему – так пуля в руку как вонзилась. Вроде бы больно, а вроде бы и страха больше... я вцепился в этот автомат – весь магазин, наверное, в какого-то немца выпустил. И, знаете, как будто бы радость – убил врага родины нашей советской, а с другой стороны, вот он труп – я его убил, да как же ж так? Мы тогда, слава богу, никого не потеряли. Ранило только наших много, лечили долго. Меня тоже. Пулю-то извлекли, но крови я потерял прилично, говорят. Полгода, примерно, не пускали меня никуда, даже осмотреть что-нибудь сходить.

Он ещё отхлебнул кофе, протёр лицо салфеткой и продолжил:

– С сорок третьего меня уже стали везде брать, потому что людей в отряде меньше становилось, а на задания ходить кому-то, да, надо было. Я и мосты взрывал, и дома в захваченных деревнях сжигал, и колонну немецкую с нашими ребятами обстреливал. За пятнадцать минут, в принципе, управлялись. А когда немцы по лесам ходили – нас искали, так мы к болоту уходили прятаться. Всяко их больше

было – не вывезли б мы столько отстреливаться. Но, как-то раз, и до болот добрались они. Долго мы стрелялись с ними. Уже и артиллерия нас накрывала – да без толку всё. Ну, что такое артиллерия по болоту? Ну, ничто, считайте! В общем, когда и наших немало полегло, и их прилично – дошли до рукопашной. А я ж маленький, хоть и тринадцать уже. Бегу на немца, прыгаю, лопатку ему в шею вонзаю – на меня уж другой кидается, душит, зараза. Думаю, всё, вот и конец мой пришёл... вдруг, вижу, у этого глаза округлились прям, отпустил, упал в бок... а это дядя Ваня из моей же деревни его из пистолета подстрелил. Подбежал ко мне, спрашивает, не ранен ли я и прочее, так его, вдруг, самого в спину застрелили... и так мне обидно стало от злости!.. Прыгнул я к какому-то автомату, и давай палить по всем, кто в сером был, а сам кричу – не пойму, что. Меня тогда в ногу ранило...

Он похлопал ладонью по той самой хромой ноге.

– ... до сих пор, вот, хромаю. В госпиталь меня, тогда уже отправили, военный. Помню, лежу, а рядом солдаты, офицеры... у кого руки нет, у кого ноги по колено... а почти все шутят, смеются, курить локтями пытаются... и этот запах... запах... просто не передать... смешался и табак, и кровь, и пот, и отчаяние человеческое, аж до сих пор, как вспоминаю, плакать хочется...

У Григория на щеке появилась слеза, которая как-то незаметно на фоне его морщинистой кожи скатилась с лица на пол.

– Потом немцев погнали с нашей земли уже. Я просился дальше на фронт – сказали, мол, нельзя, маленький, и без тебя войну закончим. Определили в сапёрный отряд – родину разминировать. Тоже много наших легло на этом деле. Идёшь, иной раз, по полю с миноискателем, а где-то взрыв прогремел. А когда возвращаешься, узнаёшь, что твоего товарища, с которым ещё сегодня утром кашу ел, убило... и видишь, как несут куски от него – всё, что осталось... Так и ходили мы – мины искали. Война уж окончилась, мы победили, а мины всё взрываются и взрываются. Так до года, этак, сорок седьмого и проходили в поисках. А там уж я и учиться пошёл. Сначала в вечернюю школу, надо ж закончить было, а то до войны только пять классов едва успел... Потом на агронома выучился. Дальше знаете, наверное... и хозяйство поднимать надо, и целина, и прочее...

– Вас прям заслушаешься! – восхитился я.

– Да чего тут слушать-то? – усмехнулся Григорий. – Простая жизнь, я – простой человек. Это сейчас как-то не очень просто стало...

Он глубоко вздохнул.

– Вы знаете, наш народ такой терпеливый. Даже слишком. Ему по башке всё стучат да стучат, что-то чепуху какую-то на голову сыплют, а он терпит и терпит, хотя и возмущается. Зачем только? Вот это и непонятно. Сущность, стало быть, наша такова – терпеть, пока совсем уж больно не станет...

Старик глянул мне в глаза.

– Ну, ничего, войну пережили, а это... хотя бы не стреляют... пока... Вы знаете, а налейте-ка мне водочки. Грамм сто, не больше...

Я удивился:

– А с вами всё в порядке будет?

– Да уж поверьте! Я ж говорю, с двенадцати лет пью! Кстати, на этом, видно, мы и держимся. Народ, я имею в виду. Всё как-то нескладно, а выпили – как будто не так уж и плохо – дальше жить можно. Жалко, голова потом болеть сильнее начинает, потому что ко всей этой мороке ещё похмелье прибавляется...

Я налил ему рюмку. Григорий задумчиво взял её в руку и поднял тост:

– Эх, за народ! За тех, кто живёт, кто жил и, кто будет!..

Медленным залпом, если можно так выразиться, он осушил рюмку и положил купюру на стойку.

– Что вы? – удивился я. – Не надо. Пусть будет за счёт заведения!

– Надо! – вдруг чётким голосом, как в молодости, видимо, ответил Григорий. – Что же я, не могу заплатить за себя? Пока ещё могу! Так что, берите и не спорьте. За всякий труд платить надо!

Спорить я не стал и молча принял деньги от него.

– Всего вам хорошего! – сказал он, уходя. – Не забывайте меня, я ещё иногда буду захаживать, покамест ноги носят!

– Заходите-заходите, рады будем! – ответил я, а сам по-

чувствовал, что говорю именно искренне. Вернее, настолько искренне.

Вообще, я должен сказать, что с Григорием Яковлевичем, как я потом узнал, его зовут, беседовать всегда приятнее всего! Это очень интересный и настолько честный человек, что я прям всегда искренне радуюсь, когда он к нам заходит, что происходит, увы, не часто. Я просто надеюсь, что этот дедушка ещё подольше поживёт, ведь таких искренних и открытых людей всё меньше....

Послесловие (вместо эпилога)

*Разные люди, разные судьбы, глупые игры случайных сил.
Кто нам поможет, кто нас рассудит, кто нам поверит
и всё простит?*

*Много вопросов, мало ответов – слёзы ответ на судьбы
излом,*

*Мы возвращаем той же монетой то, что нам кажется
добром и злом.*

К.Б.Арсеньев

Будни бармена так похожи на будни психолога. Хотя у последнего, вероятно, редко выпивают, а уж тем более до упада.

Постоянно приходят люди. Они разные. Разные судьбы. Характеры. Мнения.

Кто-то приходит расслабиться, кто-то попробовать что-то новое, кто-то, как все мои герои, – высказаться...

Дело бармена не такое уж и большое. Налить, подать, что-то сделать, если смешать и прочее. В сущности, должно быть всё равно на то, откуда у клиента деньги или что у него на душе.

Мне, действительно, всё равно... на всё, кроме, последнего... а потому, если клиент хочет высказаться – я только рад

его выслушать.

Конечно, истории похожи друг на друга, просто имена разные или ход событий, а суть, чаще всего одна и та же. Но, как вы понимаете, это не всегда так. Пример – мои герои, про которых я недавно рассказал.

И тем не менее, для меня все мои клиенты – люди. Настоящие люди. Мне неважно кто они, как поступают по жизни. Всё равно – это люди, и с ними надо по-человечески, особенно, если мне они ничего дурного не желают. Как раз, наоборот, если отдают свои деньги, значит, всё не так уж и плохо.

У меня ещё много таких историй. Какие-то интересные, какие-то не очень. Быть может, когда-нибудь я и соберусь вам их рассказать, ну а пока... есть новые клиенты, есть работа, а это значит, что мир не остановился пока, и жизнь продолжается....